

ИМПЕРАТОР ПЕРЕД ЛИЦОМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ: ПЕТР I И МАЗЕПА

В начале 18 века на политической арене России произошла недолгая, но кровавая схватка между двумя политическими лидерами – каждый из них отстаивал в борьбе свою заветную цель – гетман Иван Степанович Мазепа мечтал видеть Малороссию политически независимым государством, а Петр Великий мечтал видеть Россию мощной объединенной империей. Каждый из них лелеял свою мечту на протяжении всей жизни. Эти два желания никак друг другу не соответствовали и одновременно реализованы быть не могли.

Иван Степанович Мазепа был официально объявлен предателем и долгие годы у современников и потомков его имя было заклеено позором.

Правильная оценка происшедших событий имеет большое значение не только для понимания современных взаимоотношений между Украиной, Россией и многими бывшими республиками Советского Союза, но и для правильного толкования и осознания политической трагедии всех национальных лидеров – Ивана Степановича Мазепы, Шамиля, Степана Андреевича Бандеры и многих других.

Иван Степанович Мазепа был избран гетманом Малороссии в правление царевны Софьи, был оставлен Петром на этой должности и держал гетманскую булаву двадцать лет. Двадцать лет Мазепа верно служил Российскому правительству. Реформам Петра сопротивлялись многие, а гетман на протяжении долгих лет был надежным и верным союзником, обеспечивающим царю тыл в Малороссии. Одним из первых гетман Малороссии получил учрежденный царем орден Андрея Первозванного – самую почетную награду России того времени – «За многие его в воинских трудах знатные и усердно радетельные верные службы...» [1.59].

Для лучшего понимания описываемых событий следует показать, что же представляла собой Малороссия до водворения гетмана и в его времена.

Будучи пограничной страной Украина часто меняла как свои границы, так и своих господ. Впервые Украина была включена в состав Русского государства Владимиром (980-1054), затем в первой половине 14 века досталась Литве, затем вошла в Литовско-Польскую федерацию, затем опять была присоединена к России при содействии Богдана Хмельницкого. По мнению К. Валишевского [2] история Украины последней четверти 17 века представляла из себя картину хаоса и все ужасы войны и народных восстаний вернули ее к ее первоначальной участи служить полем битв и хранильницей человеческих костей. К тому же в Малороссии большая часть населения не имела другого источника дохода, кроме войны и являлась прекрасным материалом для политических манипуляций любого, стремившегося к власти. Иван Мазепа, получив гетманство в июле 1687 года с одной стороны стал проводником государственной политики России в Малороссии, а с другой – ему приходилось постоянно лавировать между недовольными запорожцами, казаками, простыми крестьянами.

Далее, в этой же своей работе К. Валишевский пишет – «накопились причины ужасного кризиса, который должен был дать тело и душу этому украинскому союзу разсеянных и непостоянных элементов и в тяжелых муках произвести на свет... ту историческую индивидуальность, конечная участь которой еще теперь составляет тревожную загадку – «Малороссия» [2.246].

Петр видел в Мазепе единомышленника, приветствовавшего новую Россию, усердного исполнителя монаршей воли. На самом деле, все это время «Мазепа, как малоросс, питал и лелеял в себе желание политической независимости своей родины» [5.260].

Малороссия присоединилась к Великороссии сравнительно недавно и малороссы еще не привыкли считать Великороссию своим отечеством. К тому же, малороссы уже почувствовали железную руку русской самодержавной власти и существовало опасение, что Москва искоренит то, что называлось казацкой вольностью, нарушит все малороссийские права и льготы и уравниет Малороссию со своими Великорусскими областями. Когда началась война со шведами, Мазепа увидел возможность с помощью короля Карла XII осуществить *свое* давнее заветное желание – сделать Малороссию политически независимой и в октябре 1708 года Мазепа присоединился к шведскому войску.

Когда говорят о какой-то нации, то подразумевают духовное единство составляющих ее людей. Национальное самосознание и национальная память выступают в роли защитного механизма, позволяющего сохранить целостность и социокультурную определенность нации. Каждая нация обладает своим чувством собственного достоинства и своим особым чувством гордости.

Многие привыкли отождествлять национализм с шовинизмом и неприязню к другим народам. Иван Александрович Ильин в своей работе «Путь духовного обновления» толкует национализм как позитивное проявление национального духа – «Любовь к своему народу не есть неизбежно ненависть к другим народам... отстаивание своего совсем не означает завоевание чужого. Таким образом национализм и патриотизм становятся явлениями высокого духа, а не порывами... сомнения и кровопролитного варварства, как пытаются изобразить это иные современные публицисты, не помнящие родства и растерявшие национальный дух» [4.192].

Как политик, Мазепа готов был схватиться за любое средство, чтобы высвободить Малороссию из-под власти Москвы. Гетман не оценил по достоинству ни способности и силу Петра, которому становился соперником, ни свои собственные возможности и силы. К тому же в подобных предприятиях «успех... зависит не только от личных качеств, но и от контакта с окружением» [3.277]. Контакта и взаимопонимания с основной частью своего окружения у Мазепы не было.

Петр Великий в продолжении всей своей жизни лелеял мечту преобразовать Россию в сильное европейское государство, политически и экономически независимое от соседей. Монарх представлял Россию мощной объединенной Империей. В его обширных планах процветания России Малороссия занимала видное место и уж никак Петр не собирался давать ей политическую независимость. К тому же последний раз Малороссия была присоединена к России при содействии Богдана Хмельницкого в царствование отца Петра Великого Алексея Михайловича и Петр хорошо понимал, что в результате «Москва получила залог той удивительной судьбы, которая готовилась для нее уже с пятнадцатого века кропотливыми «собирающими русской земли» [2.329]. В представлении монарха России благом являлось присоединение Малороссии к России. В представлении гетмана Мазепы – благом была свобода и национальная независимость Малороссии.

В своем желании видеть Малороссию политически независимой гетман не учел еще одного очень важного фактора – бедственного положения и настроения живущих в нищете народных масс. Мазепа не обратил внимания на давнюю вражду, существовавшую в Малороссии между казаками и чернью. В результате, все, что исходило от Мазепы и его преданных казаков, находило себе противодействие в народной массе. Тогда, как люди, способные к политическим замыслам, готовы были хвататься за любую возможность, чтобы освободиться от власти русского правительства над Малороссией, «простая масса малороссов готова была держаться русского правительства уже потому, что враждебная для нее партия хотела избавиться от этого правительства» [5.261].

Малороссийские политики во главе с Мазепой не могли пленить народ никакой идеей политической независимости. Мазепа поздно осознал, что простонародная масса желала иной свободы – всеобщего казачества «к которой стремление начинает грабежом и расправой над знатными и богатыми людьми» [5.66].

Мазепа и его сторонники не предприняли никаких шагов, чтобы привлечь на свою сторону простых казаков, измученных постоянными войнами, или крестьян, измученных налогами и панщиной. Мазепа упустил из вида и еще одну очень важную деталь – Малороссию к России всегда притягивала особенная сила – единоверие – оба народа были православными. Поэтому, когда одновременно митрополит Киевский в Киеве и митрополит Московский в Успенском Соборе в Москве объявили, что гетман изменил православной вере и пристал к еретическому королю Швеции, предали Мазепу гражданской казни и объявили ему проклятие, большая масса православных казаков, ранее преданных Мазепе, испугавшись, отвернулась от него.

В соответствии с этической концепцией английского философа Джорджа Эдварда Мура, изложенной им в труде «Природа моральной философии», важны тонкие смысловые различия между «добром как целью» и «добром как средством». Эти два вида добра отличны друг от друга и часто не совпадают – например, некоторый поступок сам по себе не может быть оценен как хороший, как добро, но если он способствовал возникновению чего-то хорошего (т.е. в результате его совершения возникло добро), то он получает положительную оценку в качестве средства для достижения добра (это – добро как средство). Анализ этих двух дестинкций Мур придавал большое значение и считал их вычленение и исследование своим научным открытием. Этические рассуждения Мура дистанцированы от россиянина чисто английской нейтральностью, абстрактностью, отстраненностью. Россияне привыкли более доверяться эмоциям. Но Мур с его холодностью восприятия достигает другое – он ликвидирует возможность манипулировать понятиями добра и зла, правильного и неправильного, делает невозможным вложение в них удобного или выгодного содержание. Мур доказывает не субъективистскую, а объективную природу этических и моральных суждений.

Предательство Мазепой Петра – поступок, который сам по себе не может быть оценен как хороший – был направлен на возникновение хорошего (независимости для малороссов), поэтому он получает положительную оценку в качестве средства для достижения добра. Жестокость Петра Великого в преследовании Мазепы и беспощадность в наказании его сподвижников также направлена на хорошее – на процветание в будущем великой и неделимой России, в которой бунт против существующей власти должен быть раз и навсегда ликвидирован. «В этике существуют две главные проблемы – одна... что является добром само по себе, вторая – ... что имеет ценность как средство для достижения добра» [6.19].

Литература

1. Бантыш-Каменский Д. Историческое собрание списков кавалеров четырех Российских императорских орденов. М., 1814.
2. Валишевский К. Первые Романовы. М., 1911.
3. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. Рольф, 2002.
4. Ильин И. Путь духовного обновления. Мюнхен, 1962.
5. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее важнейших деятелей. Книга третья. М., 2004.
6. Мур Д.Э. Природа моральной философии. М., 1999.